

Выпуск № 080 от 06.05.2010

Гордость и боль

Установлен первый памятный знак на здании города, пострадавшем в годы блокады от фашистских бомб и снарядов. 30 апреля он появился на здании библиотеки Академии наук. 9 мая предполагается установить памятный знак на Князь-Владимирском соборе
Михаил КУРАЕВ, член президиума Общественного совета, житель блокадного Ленинграда

«Сколько счастливых мыслей, приходящих в светлые головы, вспыхнув, гаснут...» Этими словами начиналась публикация «Здания как ветераны» в «Санкт-Петербургских ведомостях» (15 июня 2009 года, № 106). Газета извещала об инициативе создания памятных знаков, выдвинутой Общественным советом в конце 2008 года.

От замысла до его воплощения путь неблизкий. Член Общественного совета скульптор Альберт Серафимович Чаркин, который тогда возглавлял Институт скульптуры и архитектуры имени Репина, организовал конкурс на модель знака. Президиум Общественного совета отобрал наиболее удачные работы и рекомендовал их к воплощению. Лучшей, по общему мнению, была признана работа студентки 5-го курса архитектурного факультета Майи Губайдуллиной. Макет знака был помещен на первую полосу «Санкт-Петербургских ведомостей».

Первыми высказали желание установить памятные знаки на своих стенах Библиотека Академии наук и Князь-Владимирский собор, действовавшие на протяжении всей блокады и пострадавшие от вражеских бомб и снарядов. Процедура согласований, получения разрешений, «невозражений» и т. д. столь многосложна и тягостно медленна, что пришлось согласиться на статус «временной прописки» памятных знаков. Будем надеяться, что у него больше прав на «постоянную прописку», чем у скороспелых мемориальных досок и памятников, как говаривал Герцен, «временно великим».

30 апреля в 12.00, когда под гром сигнальной пушки было сдернуто полотно, прикрывшее гранитную доску на стене библиотеки, напоминающую и цветок и взрыв, прекратился дождь. Солнце освещало сотни лиц сотрудников и гостей библиотеки – ветеранов, представителей институтов Академии наук. В канун 65-й годовщины Победы слова памяти, благодарности, воспоминания о тяжких и героических годах противостояния смерти звучали обжигающе искренне.

Директор библиотеки Валерий Павлович Леонов, больше двадцати лет занимающий этот пост, мужественно отклонил настоятельное предложение осторожных чиновников установить памятный знак где-нибудь во дворе или в коридоре. Он предъявил собравшимся блокадный «портрет» библиотеки. В газете «Известия» от 17 апреля 1944 года в рубрике «Письма из Ленинграда» он нашел свидетельство профессора математики Липкина: «В Ленинграде есть библиотека Академии наук. Так вот, мы туда ходили за книгами. Через весь Невский и дальше, пешком. Ох, это было очень тяжело. Простите, вы даже не поймете, как это было для нас далеко. И потом стужа... Ужасная, знаете, была стужа. И обстрел... Ну, вот, придешь туда, а там библиотекари на своих местах. В зале мороз, горит коптилка, люди в шубах, в одеялах. Ищет такой человек тебе книгу на полке, и видишь, что он слаб, как былинка. А в библиотеке великий

сих пор помню шелест каждой книги, взятой в библиотеке...»

Это с виду они были «как былинка». В руках у директора библиотеки уже другой лист, в нем значатся 439 сотрудников библиотеки, награжденных боевыми наградами. Это настоящее боевое подразделение, гарнизон, отстаивающий свою цитадель, несущий потери и сохраняющий «великий порядок» даже при окнах, забитых фанерой, и копилках вместо ламп.

За первые «зажигалки», потушенные 11 сентября 1941 года, еще не давали медалей, и Валентине Ивановне Севастьяновой была выписана премия в размере ста рублей!

В ноябре и декабре 1941-го снаряды, упавшие на библиотеку, разрушили крышу, лишили окна стекол. Зловещая для библиотеки дата – 14 февраля. В этот день 1942 года пришлось спасти библиотеку после попадания в один день трех дальнобойных снарядов, разворотивших крышу и разрушивших главный вход.

Хрупкую Наталью Михайловну Розову, старейшего библиографа библиотеки, я легко поднял на руках, чтобы помочь ей снять полотнище, прикрывавшее знак. «Действительно, как былинка», – подумал я. Но ее рассказ о военных годах, о службе во фронтовом медсанбате, ее память о раненых, обгоревших, об отдавших жизнь в боях, заставили всех слушавших изумиться той неизбывной силе, что может быть заключена в такую хрупкую плоть. (Именно ей, Наталье Михайловне Розовой, блестящему специалисту, владеющему несколькими иностранными языками, принадлежит решающая роль в восстановлении иностранного фонда, пострадавшего в пожаре 1988 года...)

Памятный знак на доме сродни нашивкам за ранения, которые мы помним на гимнастерках участников боев. И предложение спрятать эти знаки мужества и самоотверженности на заднем дворе напоминает решение прибалтийских властей, разрешивших ветеранам пройти маршем в День Победы, но награды и знаки доблести спрятать под верхней одеждой. Нет, наш город и дома-ветераны хранят память о мужестве и стойкости своих обитателей и не должны прятать напоминание о подвиге на «заднем дворе».

Знаменательно, что первые памятные знаки появились на стенах библиотеки и храма, обители Духа! Тем, кто не сможет понять, что такое дух ленинградцев, никогда не понять, почему нога врага никогда не ступала на эту землю. И чем больше появится знаков стойкости и доблести на стенах наших зданий, тем легче будет и молодому поколению, и нашим гостям почувствовать, что такое город-герой, что такое Великий город, что значит народ-победитель!